

ВЛАДИМИР КОРОЛЁВ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

К выходу книги “А. Твардовский в жизни и литературе (Письма 1950–1959)” и 50-летию поэмы “Тёркин на том свете”

1. Нравственная программа журнала

Смоленское издательство “Маджента” выпустило в свет сборник писем великого русского советского поэта Александра Твардовского “А. Твардовский в жизни и литературе (Письма 1950–1959)”. Представление почти 500-страничной книги прошло в мае в Центральном Доме литераторов в Москве и в сентябре в Смоленской областной универсальной библиотеке им. А. Т. Твардовского. Вёл презентации известный критик, лауреат литературной премии им. А. Т. Твардовского и премии Правительства России Андрей Турков.

Как подчёркивают в предисловии составители книги Валентина и Ольга Твардовские, дочери Александра Трифоновича, в ней впервые собраны воедино письма этого периода, причём значительная часть их публикуется впервые по его личному архиву. До сих пор лишь малая часть эпистолярного наследия Александра Трифоновича (около 600 писем из двух тысяч за 1930–1970 годы) была опубликована в собрании сочинений А. Твардовского (шестой том) и в “Письмах о литературе” (А. Твардовский, 1985). Письма собраны женой поэта, Марией Илларионовной (1908–1991), которая вела многолетнюю интенсивную переписку с архивами и корреспондентами поэта, делала копии из труднодоступных газет и журналов, просила частных адресатов прислать ей не только копии, но и подлинники автографов Александра Трифоновича.

Так что исследователи творчества и поклонники таланта писателя получили ещё один пласт *откровений* (кроме как откровенно говорить о литературе, о журнале А. Т. Твардовский не мог!), который усилил своими искренними составляющими образы корреспондентов Александра Трифоновича в дополнение к ранее изданным дневникам поэта и редактора (1950-е годы), что не столь подробно и обстоятельно, как те, что он вёл в 1960-х годах.

А ведь пятидесятые, пожалуй, самые продуктивные годы в гражданском творчестве А. Твардовского: шло создание поэмы “За далью – даль”, удостоенной потом Ленинской премии, работа над “Тёркиным-2” (“Тёркин на том свете”) плюс шесть лет редакторства (с перерывом с августа 1954-го по июнь 1958 года) в “Новом мире”, куда он был назначен в 1950 году. Так что пятидесятые – это, прежде всего, годы, когда, уже будучи маститым поэтом, А. Твардовский начал восхождение по вертикали редакторской маститости, чтобы потом, в шестидесятые, законно перейти в ещё более высокое (самое

высокое!) профессиональное качество и остаться в представлении читателей многомиллионного Советского Союза великим редактором “Нового мира”.

Откуда взялся главный редактор Александр Твардовский? Во-первых, перед ним был пример Михаила Исаковского (Михваса!), кстати, чуткого на талант, который, работая редактором смоленской областной газеты “Рабочий путь”, уже с 1925 года начал опекавать и поддерживать (и делал это всю жизнь!) Сашу Твардовского; во-вторых, личный опыт работы Александра Трифоновича в качестве ответственного секретаря в 1930–1932 годы в журнале “Западная область” (Смоленск); в-третьих, во время учебы в ИФЛИ в Москве у него зародилась мечта иметь свой журнал, о чём было заявлено в 1938–1939 годах в беседах с Самуилом Маршаком и Анатолием Тарасенковым (известным критиком, с “младых ногтей” другом и соратником А. Твардовского, а потом – его боевым замом в “Новом мире”); в-четвёртых, положительный (и отрицательный – как не должен себя вести главный!) опыт предметного общения фронтового корреспондента А. Твардовского с редакторами газет “На страже Родины”, “Красная Армия”, “Красноармейская правда”, “Известия”, “Правда”, “Красная звезда”, журналов “Красноармеец”, “Знамя” с личными выводами по поводу того, как руководитель творческого коллектива должен относиться к творчеству коллег; в-пятых, трёхгодичный труд А. Твардовского (1947–1950), когда он был членом редколлегии – заведующим отделом поэзии в “Литературной газете”...

Поэтому приход в феврале 1950 года в “Новый мир”, где он стал первым лицом, человеком, принимающим ответственные решения, был закономерным результатом, мало того, результатом плодов, прежде всего, его личного творческого лидерства, демонстрацией искусного владения словом и стремления влиять на литературный процесс державы, исходя из позиций объективности, удерживая рубежи “правды, прямо в душу бьющей, да была б она погуще, как бы ни была горька”. Кстати, как и возвращение Александра Трифоновича на пост главного редактора “Нового мира” в июне 1958-го: теперь секретариат Союза писателей СССР, особенно после речи А. Твардовского в феврале на XXI съезде КПСС, просто-напросто обязан был это сделать, поскольку более квалифицированного редактора, умеющего трогать “в упор то, что выходит за пределы литературы” (запись в личном дневнике А. Твардовского 4.VI.1960. – В. К.), для главного тогда писательского журнала страны не было!

Так что “Новый мир” получил главного редактора, знающего, как утверждает исследователь его творчества Марина Аскольдова-Лунд, “за что <он> собирается бороться” (“Сюжет прорыва. Как начинался “Новый мир” А. Твардовского”. “Свободная мысль – XXI”. Швеция, 2002. № 1, 2). В его военной поэзии и очерках уже была сконцентрирована нравственная программа будущего журнала.

Притом, что Александр Трифонович выбрал себе в замы надёжнейших соратников – литературоведов Анатолия Тарасенкова и Сергея Смирнова, того самого, который вскоре поднимет на щит подвиг защитников Брестской крепости, все основные материалы с первых дней своей работы в “Новом мире” главред забирал себе. Вот что пишет Алексей Кондратович, ещё одна опора А. Твардовского:

“Я заметил: Твардовский уезжает вечером с толстой папкой, в ней рукописи, вёрстки, письма. И предупреждает: “Я буду завтра”, – или “Приеду послезавтра”, – и значит, к этому времени папка будет просмотрена, прочитана, ответы написаны, вёрстки исчерканы карандашом.

...Если ему что-то нравилось, он не откладывал похвалы автору на завтра: тут же звонил или писал письмо”.

Показателен в этом смысле пример с “Районными буднями” Валентина Овечкина (1905–1968): А. Твардовский, прочитав рукопись очерка на даче, утром, не доехав из Москвы в редакцию, по пути с сельской почты отправил В. В. Овечкину телеграмму: “15.VII.1952. Работа, безусловно, интересная. Будем печатать”.

Очерк напечатали уже в сентябрьской книжке журнала!

В. В. Овечкин был потрясён: “Самое радостное у меня за прошлый год – это встреча с Вами, – писал он А. Твардовскому 11 января 1953 года. – Знал я до сих пор Твардовского как поэта, узнал и как человека. Богаче стал”.

Валентина Владимировича очень даже можно понять: только что вышла сталинская статья “Экономические проблемы социализма в СССР”, а Овечкин (а с ним и Твардовский!) выступает с обнажением порочных методов партий-

ного руководства сельским хозяйством. Добавим сюда, что “Районные будни” были отклонены в ряде редакций других журналов, и В. В. Овечкин принёс рукопись в “Новый мир”, готовясь получить очередной отказ. И не получил, хотя А. Твардовский мог бы припомнить писателю, как тот резко отрицательно в 1947 году отозвался о его пронзительной “Родине и чужбине”. Не припомнил, потому что “Районные будни” — правдивы, насыщены той самой правдой, которая “погуще”. И правда была сказана прямо в глаза членам ЦК, что собрались в октябре на аграрный пленум. А ещё “Новый мир” публикацией “Районных будней” пробил в печати брешь, в которую устремились проблемные публикации Г. Троепольского, В. Тендрякова, Л. Иванова, Г. Радова, дал старт развитию деревенской прозы.

А как дальше развивались отношения Александра Твардовского и Валентина Овечкина? Давайте проследим их динамику по письмам Александра Трифоновича за 1950–1959 годы.

30 января 1953 г<ода>

... Ваше письмо относительно плана нового очерка — превосходное, оно просто взволновало меня. Вы — человек такой редкий среди литераторов — стоите у самой жизни с Вашим чутким ухом и зорким взглядом, взыскательным умом и добрым сердцем. И это уже даёт результаты. Успех Ваших напечатанных очерков несомненен и всё более подтверждается тут у нас. А то, что Вы собираетесь ещё развернуть, обещает быть ещё более значительным. Не остывайте к этому замыслу, не тороплю Вас, но не откладывайте на потом то, что надо делать, сколько позволяют силы, сейчас. Это письмо посылаю Вам в копии обратно — оно пригодится Вам, это черновой набросок плана, да просто план работы — план всегда есть черновик.

25 февраля 1954 г<ода>

... Желаю твоему перу нестись по бумаге легко и весело, пусть даже трудно, но не нудно.

2 мая 1954 г<ода>

... И просто скажу: сейчас заниматься чем-либо другим, помимо деревенского дела, — всё равно, что, оправдываясь важностью своей роли в тылу, отсиживаться от фронта. И ещё скажу: поездки на целинные земли, которые сейчас становятся “модными”, меня менее влекут, чем поездки в трудный, не парадный и даже как бы ничем особенным не примечательный край массивного колхозного бедствия, осложнённого последствиями войны, географией и т. п. Это для меня сейчас неотложнейшая потребность. Не могу сидеть в “Ташкенте”, когда фронт под “Вязьмой” и когда знаю, что не хуже, а лучше многих “оперативников” смогу и разобраться в делах и посоветить делу истолкованием положения.

... “Тёркина на том свете” я черне перебелил уже. Теперь остаётся перебелил на бело и — попытаемся его двинуть.

19 февраля 1956 г<ода>

Дорогой Валентин!

За разными суетами не прочёл тотчас по получении твою статью (речь о статье, посланной в “Правду”, “О планомерности, рывках, работе на сводку и гражданском мужестве”; статья не была опубликована. — **В. К.**) и тем лишил себя на несколько дней радости, какую испытал только сегодня.

Это так великолепно — нет, не то слово! — это благородно, умно, смело, честно. Я просто взволнован. Ради опубликования этой статьи я готов был вновь стать редактором, вновь быть снятым и хотя бы даже высеченным на площади.

Хожу на XX съезд в качестве гостя, как и другие, что не избраны делегатами. В общем — обо всём можешь иметь полное представление по газетам. Кроме того, чего ещё там не было, но будет...

5 апреля 1956 г<ода>

... Как я себя чувствую в связи со всем, происходящим на белом свете? Опять же — это я, может быть, и мог бы изъяснить на бумаге, но не сейчас, когда в душе “всё перевернулось, и только укладывается”, как говорил

Л. Толстой. О многом можно было бы поговорить. Одно скажу, повторю, что нашему с тобой поколению не приходится жаловаться на недостаток материала для обдумывания...

5 сентября 1957 г<ода>

Дорогой Валентин!

...Написал новую главу “Далей” – весьма серьёзную (глава “На Ангаре”. – **В. К.**). Когда отбелю – пришлю экземпляр! Несколько небольших стихотворений. Рвусь к прозе – и всё откладывается, всё недостаёт покоя души, а годочки текут, как денежки.

...Твоему замыслу (“без беллетристики”) очень рад и верю, что получится здорово, – давай волю натуре. Не хочу наперёд говорить, но уверен, что если отдаться этому дельному и деловому изложению, без обязательств пейзажа, диалогов и т. п. хреновины, то сама собой явится, проступит и “беллетристика”, то есть художество, ибо оно вовсе не обязательно является через посредство восходов и закатов и всяческих “он криво усмехнулся”...

1 декабря 1958 г<ода>

Дорогой Валентин Владимирович!

Напиши-ка ты “Дневник писателя” для, например, февральской или мартовской книжки (к этому времени А. Твардовский вернулся в “Новый мир”. – **В. К.**). Это как раз то, что нужно делать в период “неписанья” в широком смысле, – ты можешь отлично сделать “Дневник” из разнородных записей, зарисовок, намёток и предложений, не обязательно пронизанных насквозь единым стержнем. Очень часто, поверь, такие как бы “необязательные” записи, “кроки”, как говорят художники, позволяют сказать больше, ёмче и выразительней, чем иные “обязательные”, подчинённые строгим жанровым законам вещи.

24 ноября 1959 г<ода>

Дорогой Валентин Владимирович!

Страх как не хотелось бы мне огорчать тебя, но приходится: пьеса мне очень не понравилась (пьеса “Летние дожди”. – **В. К.**).

...Не Овечкина это дело – ставить и “разрешать” проблемы “любви пожилых” в духе какого-нибудь “Сонета Петрарки” (пьеса Н. Ф. Погодина. – **В. К.**). Должен заметить, между прочим, не силой, а слабостью художника является приравнение возраста своего героя к своему возрасту – это панфёровский путь.

(Далее А. Твардовский разбирает и разбивает по-редакторски и по-житейски “Летние дожди”).

...Мне будет очень жаль, если ты не захочешь ничего понять из этих моих (может быть, немного резких) слов, явившихся сразу по прочтении пьесы. Но я скажу честно: я не вижу, что её можно как-нибудь улучшить, “дотянуть”.

Если сможешь не сильно обижаться на меня, буду очень рад.

Твой А. Твардовский.

2. Перебелить набело!

Хронику этой переписки читаешь, как учебник, написанный главным редактором для вдумчивого общения его коллег-редакторов с авторами, поэтами и прозаиками (начинающими и именитыми), друзьями: методика работы, конкретные советы, тепло пожеланий, искренняя критика, точная оценка явления, радость за творческую удачу товарища... И всё по-твардовски: “не остывайте”, “план всегда есть черновик”, “массовидное колхозное бедствие”, “истолкование положения”, “перебелить набело”...

Обратите внимание: лучше синонима слову “редактировать”, чем “перебелить”, не найдёшь!

Письма в книге “А. Твардовский в жизни и литературе” расположены в хронологическом порядке, что позволяет прочувствовать трудовой пульс и ритм жизни Александра Трифоновича, восхититься его высокой работоспособностью (иногда поэт писал по несколько посланий и ответов в день), а ещё – увидеть отношения с друзьями, критиками, переводчиками, читате-

лями, родными и, конечно же, с властью имущими, умение быть внимательным к автору, требовательным к слову и агрессивно принципиальным – в защите интересов литературы.

В книге нет ни одного письма (а их в сборнике полтысячи), в строчках которого сквозило бы вполне понятное по отношению к графоманистому автору раздражение или отталкивающие от творчества фразы, наоборот, каждый, кто получал от него даже отрицательный ответ, вместе с тем получал и... порции вдохновения. В качестве примера – цитата из одного из, казалось бы, отказных писем сочинительнице стихов, написанного в 1958 году:

“... Не нужно ссылаться на то, что печатаются порой и худшие стихи, – всё бывает, но велика ли честь оказаться не хуже посредственности? Всё это я говорю в объяснение того, что не смог сейчас отобрать для “Нового мира” ни одного из Ваших стихотворений. Вы вправе посетовать и на мою “чёрствость”, но это уже такая наша редакторская доля. Однако Вы можете, по крайней мере, верить мне, когда я скажу, что, по-моему, Вы вот-вот напишете что-нибудь такое, что выйдет из Вашего ряда, явится “новым качеством”, и тогда я буду рад напечатать Ваши стихи”.

В сборнике, при всей хронологичности подачи писем, конечно же, выделяется тема переписки с друзьями-писателями, причём искренность этих посланий, где присутствуют размышления о судьбе литературы, векторах творчества, сильных и слабых местах произведений, настолько очевидна, насколько и независима от возраста, положения и должностей самых близких товарищей его и соратников. Михаил Исаковский, Анатолий Тарасенков, Эммануил Казакевич, Иван Соколов-Микитов, Виктор Некрасов, Андрей Турков, Владимир Александров и другие писатели, а также молодые члены редколлегии, приглашённые Александром Трифоновичем в “Новый мир”, – все они получали от великодушного и внимательного главного редактора автографы (речь не о парадном и символическом, а об эпистолярном и рабочем значении этого понятия), наполненные художественными и житейскими рекомендациями, исполненные благородства, щедрости и принципиальности.

Валентина и Ольга Твардовские подчёркивают в предисловии, что едва ли не самой горькой утратой в середине пятидесятых для Александра Трифоновича стал разрыв с Александром Фадеевым, которого он любил и как писателя, и как человека. В дни массированных нападков на “Новый мир”, когда Твардовского сняли с поста главного редактора, Фадеев (один из руководителей ССП) не только не протянул ему руку помощи, но и участвовал в разносторонней критике журнала. История их дружбы, начавшейся ещё в тридцатые годы, и её драматический финал весьма выпукло отражена в письмах, публикуемых в книге.

В посланиях к Гавриилу Троепольскому, Константину Паустовскому, Аркадию Кулешову, Константину Федину, Александру Прокофьеву, Сергею Залыгину, Вениамину Каверину, Владимиру Тендрякову и другим писателям А. Т. Твардовский раскрывает себя как руководителя издания, намеренно стремящийся привлечь в журнал талантливых прозаиков, способных помочь ему сделать журнал самым нужным другу-читателю, самым интересным и самым уважаемым в читающей стране, работающим на воспитание её высокого литературного вкуса. В то же время А. Твардовский, имея свои принципиальные представления о том, каким должен быть “Новый мир”, как он должен развиваться, мог аргументировано отклонить произведения иных авторов, которые бы с ходу напечатали редакторы других журналов. Именно поэтому в “Новом мире” не появились новые главы “Поднятой целины” Шолохова, пьеса “Потомки запорожцев” Довженко, сценарий Герасимова “Дочь народа”, воспоминания Паустовского, пьеса Симонова “История одной любви” и начальные главы его романа “Живые и мёртвые”... Однако в этих отказах у Твардовского сквозит такая заинтересованность в развитии художественного дела, такая любовь к литературе и уважение к будущему читателю, что и эти, и другие авторитетные литераторы, как правило, не прерывали связи с набирающим заслуженную популярность журналом.

Обострённое чувство ответственности А. Твардовского помогало членам редколлегии быть уверенными в справедливости линии журнала, избранной его главным редактором, и потому помогать ему делать журнал “по-твардовски”. За всё, что печаталось в “Новом мире”, главред подчёркнуто брал ответственность на себя. Эту характерную особенность замечаем в письме, на-

писанном в январе 1954 года критику Владимиру Померанцеву, которому после публикации в журнале (№ 12, 1953) статьи “Об искренности в литературе” стало системно попадать в СМИ якобы за отход от принципа партийности. А. Твардовский, как пишут в начале книги Валентина и Ольга Твардовские, считал необходимым в этой и других подобных ситуациях добиваться возможности ответить на несправедливые обвинения в печати. Однако именно этого новомирцам сделать и не дали: приговор, вынесенный редактору и авторам журнала, не подлежал тогда обсуждению, и, стремясь вывести из-под удара редколлегию, Александр Трифонович заявил, что ряд её членов был против напечатания статей, признанных “идейно-ошибочными”. Весь огонь А. Твардовский по-фронтовому принял на себя, в то же время (сегодня мы понимаем это) демонстрируя одну из обязательных функций главного редактора при спасении коллектива соратников – гибкость и даже хитрость.

В начале тридцатых, работая в Смоленске, А. Твардовский давал многочисленные уроки начинающим авторам как литконсультант. И желание растить достойную писательскую поросль у Твардовского, ставшего в пятидесятые годы главным редактором главного журнала Советского Союза, уже зиждется на двадцатилетнем профессиональном опыте и тончайшем литературном вкусе, который он не переставал развивать в себе постоянно. Поэтому в его эпистолярном наследии письма начинающих, хотя и не всегда молодых по возрасту авторов, интересовавшихся у мэтра оценкой своих возможностей в литературе, обращавшихся к нему за поддержкой и благословением, и ответы на них составляют наиболее существенную часть сборника.

Давая советы своим многочисленным корреспондентам ещё и как председатель комиссии по работе с молодыми поэтами, А. Твардовский предстаёт в этом непрерывно длящегося разговоре о месте поэзии в жизни то доброжелательным, готовым помочь и поддержать автора, то требовательным и даже жестоким. Однако в главном Александр Трифонович оставался неизменным – он не уставал повторять: “Литература – дело суровое и трудное. Оно требует больших знаний и способностей”.

Как говорится в предисловии к книге, А. Твардовский никого не отговаривал писать стихи для себя, родных и близких, для домашнего употребления и застолья, но всегда обращал внимание на их адресность. Претендовать же на сколько-нибудь широкого читателя, по его мнению, могли только те произведения, в основе которых – собственный опыт автора, свои, а не использованные уже кем-то средства выражения чувств и мыслей. Бессодержательные, безыдейные рифмованные строки А. Твардовский за поэзию не признавал. А идейность для великого Твардовского – в искренних убеждениях автора, заинтересованного передать их читателю, что невозможно без мастерства.

При всей своей более чем масштабной загруженности работой, главный редактор “Нового мира” жаждал всё новых и новых писем, что подтверждает появившийся ещё в первый приход его в редакцию раздел журнала “Трибуна читателя”.

Обратная связь с читателем для главреда Твардовского была обязательной, он её даже по-хорошему провоцировал. Вспомним:

*Читатель!
Друг из самых лучших,
Из всех попутчиков попутчик,
Из всех своих особо свой...*
(“За далью – даль”)

А. Твардовскому хотелось откровенного, без приукрашивания бытия разговора о жизни: и о хлебе насущном (развитие сельского хозяйства), и о хлебе литературном. Если на эту откровенность читателя вызывали, продолжая “овечкинскую” линию, очерки Гавриила Троепольского “Из записок агронома”, повести Владимира Тендрякова и публицистическая аналитика Фёдора Абрамова, то, как пишет Андрей Турков в своей книге “Александр Твардовский” (серия ЖЗЛ, “Молодая гвардия”, М., 2010), почин такому же откровенному и бескомпромиссному разговору о литературе, характерному и для ряда других “новомирских” статей, в сущности, положил не кто иной, как сам А. Твардовский, опубликовав в июньской книжке журнала за 1953 год несколько глав своего нового поэтического произведения “За далью – даль”.

Некоторые главы по отдельности уже печатались в “Литературной газете”, “Известиях” и “Правде”. В новых же шла речь именно о литературе — и о собственных “муках слова”, по известному выражению писателя, и об отношениях с читателем (всегда занимавшая его тема), и об отражении современной жизни в книгах.

В главе, вскоре получившей название “Литературный разговор”, от имени дорожных попутчиков автора высказаны различные претензии к писателям, и среди них весьма меткие и язвительные, что позволило им быстро войти в обиход, запомниться и, что называется, быть на слуху, цитироваться:

*Глядишь, роман, и всё в порядке:
Описан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред,
И в коммунизм идущий дед,
Она и он — передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал...
И всё похоже. Всё подобно
Тому, что есть иль может быть,
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завывать.*

Завершается глава фантастической сценой — разговором с редактором, что, как оказалось, живет... в душе самого писателя (в критике его тут же стали звать “внутренним”), который, опасливо предвидя всякие возражения и замечания, собственноручно себя... оскопляет.

“Литературный разговор” А. Твардовского продолжили статьи с конструктивной критикой “сокращённого метода изучения жизни” Владимира Померанцева, а также Михаила Лифшица и Марка Щеглова. И свинцовые административно-идеологические тучи, сгустившиеся над журналом и его главным редактором, стали посылать в “Новый мир” молнии, одна другой жгучее. “... У меня большие тревоги в журнале, — сообщал Александр Трифонович Валентину Овечкину, — (всякая “тьма” во главе с Сурковым ведут атаки против меня, дело может дойти до моего ухода или снятия), и это нехорошо, это дурной знак с точки зрения судеб литературы. Вообще — Бог знает, что творится”.

23 июля было принято решение ЦК КПСС “Об ошибках редакции журнала “Новый мир”, а 11 августа президиум правления СП СССР постановил: осудить неправильную линию журнала “Новый мир” в вопросах литературы; освободить товарища Твардовского А. Т. от обязанностей главного редактора журнала.

4 сентября 1954 года Александр Трифонович писал переводчику Борису Бурштыну (1893–1964), с которым вместе работал в Смоленске в начале тридцатых годов: “Меня всё это, что произошло в литературной жизни в последний год, печалит, конечно, последствиями в общем нашем деле. Многие мои товарищи и даже друзья желают поддержать во мне “бодрость духа”, говорят обо мне, имея в виду моё положение, не понимая, что всё происшедшее и происходящее касается их не в меньшей мере и в тем большей для каждого степени, чем серьёзнее и сознательнее он относится к своему призванию, профессии, долгу и т. п.”

3. Преисподнее бюро

Заметим, что ни в постановлении ЦК, ни в СМИ ничего не было тогда сказано о главном “проступке” главреда — поэме “Тёркин на том свете”, поскольку ей была посвящена закрытая часть постановления.

Да, “Тёркин на том свете” напечатан 17 августа 1963 года в вечернем выпуске “Известий”, а 18-го поэма вышла в основном тираже; и по традиции отсчёт официальной жизни произведения начинается с момента публикации (значит, нынче у “Тёркина-2” — золотой юбилей), однако фактически в первой редакции эта поэма уже имела к весне 1954 года! В дневнике К. Чуковского 23 марта 1954 года отмечено, что К. Федин рассказывал ему о новой,

“прелестной, едкой” поэме А. Твардовского, прочитанной на его даче автором. Да и в “Избранном” (Т. 2, М., “ЖУК”, 2010) под поэмой стоят две даты “1954–1963”.

Разгар проработки “Нового мира”, но Твардовский, прошедший две войны, смел и отчаян в деле, в котором в советской поэзии ему нет равных, — он читает “Тёркина на том свете” уже в редакции (а это отнюдь не тихая писательская дача). Как пишет в своей книге А. М. Турков, Николай Асеев, слушая эту читку А. Твардовского, бормотал: “Интересно: оторвут ему за это голову? Ну, а что до того света, то всё совершенно верно — я давно на нём живу”.

Секретарь ЦК по идеологии Пospelов, координировавший пропесочку и продрайку журнала, назвал поэму “клеветнической вещью”, “пасквилем на советскую действительность”. Твардовский же стоял на своём, настойчиво утверждая, что пафос поэмы — это “суд народа над бюрократией и аппаратчиной” и что он потратил на поэму “все силы своей души”.

Молодые соратники А. Твардовского восхищались стойкостью и мужеством главреда, а вот, казалось бы, проверенные временем товарищи вдруг обратили свои перья против того, кого недавно восхваляли. О позиции Фадеева мы уже упоминали, теперь речь пойдёт о Катаеве, успевшем публично восхититься “Тёркиным-2”, а затем на заседании ЦК 23 июня показать *фискальный оскал*:

“...Я должен сказать, что такого поведения, таких ошибок можно было ожидать от Твардовского. Я расскажу такой случай. Я написал путевой очерк о путешествии из Москвы в Крым через Украину. Принёс его Твардовскому. Твардовский прочитал и сказал мне:

— Ну, Валентин Петрович, это несерьёзно. Вы что́, не знаете, что происходит в стране, положение в сельском хозяйстве? Неужели вы ехали через всю Россию и ничего не видели? Нам нужны очерки типа “Путешествия из Петербурга в Москву” Радищева.

Вы понимаете, товарищи, куда он меня призывал?” (см. журнал “Дружба народов”, 1993, № 11. С. 221).

“Тот свет” ответил Александру Твардовскому, работавшему над поэмой десять лет (ещё в январе 1944 года он занёс в рабочую тетрадь набросок главы “Тёркин на том свете”), нашедшему сатирический ход отображения махровой бюрократической действительности, сделавшему её комментатором не кого-нибудь, а любимца народа — бойца Василия Тёркина, — лишением редакторской трибуны и цензурным вето, которое снимут только в августе 1963 года Н. С. Хрущёв и “Известия” в разгар “оттепели”, когда А. Твардовский стал лауреатом Ленинской премии (награда за поэму “За далью — даль”) и снова работал главредом идущего нарасхват “Нового мира”.

Не будь столь внушительного авторитета у Александра Трифоновича, появился ли бы в печати “Тёркин-2”? Ведь “тот свет” был не просто силён — он ещё более оброс командно-административными мышцами! Просто произведение оказалось настолько актуальным, реалии текущей действительности были настолько узнаваемы, а их суть оставалась той же, что и при Сталине десять лет назад!..

Генерал (звание в подземной иерархии, видимо, такое же высокое, как и в надземной), “генерал-покойник”, который встретил Тёркина, информирует прибывшего, что “на том свете аппарат, как на этом свете”: стол проверки — стол крошечный, Преисподнее бюро, разбирающее персональное дело, на заседании которого “признаёт мертвец ошибки, извернуться норовит”, есть “штрафбат, органы в порядке”, привилегии для загробактива, “пламенный оратор, толкающий речь в пустоту”... Ирония, перерастающая в сатиру, условность, которую герой воспринимает как реальность: “Обозначено в меню, а в натуре — нету”; “Вроде, значит, трудодня в горевом колхозе”. Тёркин, повидавший за годы войны (включая и финскую) реки крови и пота, глядевший десятки раз в глаза смерти и выдержавший её психическую атаку (вспомним главу “Смерть и Воин”), шокирован, как модно сейчас говорить, и ошеломлён увиденным на “том свете”. Шок да спасительная затяжка сигаркой, свёрнутой из прихваченной с этого света махорки, и помогли ему в тот момент сконцентрировать силёнки, уцепиться за поручни и шагнуть на тормозную площадку состава порожняка, идущего на-гора: “И прощальный генералу Тёркин ручкой сделал знак”. Но вспомним, как перед этим рвало поручни

*...Из живых солдатских рук,
Как хватало мёртвой хваткой
Изо всех загробных сил!*

Тёркин в очередной раз победил, избежал “мёртвой хватки” “того света”. Это в сказке, а победил ли Твардовский в жизни, в реальностях 1954 года? Конечно! Александр Трифонович ведь не просто остался самим собой и не отказался от поэмы, а целых десять лет, до публикации в 1963 году, продолжал работать над шлифовкой образов и слога “Тёркина-2”.

Безусловно, особые претензии к поэме и, видимо, прежде всего, личные у Поспелова были и как у многолетнего редактора “Правды” — на пост секретаря ЦК по идеологии он пришел ведь из главной тогда газеты страны. А в “Тёркине на том свете” редактор стенной “Гробгазеты” выписан с колоритнейшей издёвкой:

*Вот притих, уставясь тупо,
Рот разинут, взгляд потух.
Вдруг навёл на строчки лупу,
Избоченясь, как петух.
И последнюю проверку
Применяя, тот же лист
Он читает
Снизу кверху,
А не только
Сверху вниз.*

В 1957–1959 годах Александр Трифонович напишет знаковое для многих литераторов и журналистов стихотворение “Московское утро”, где будет изображена не только знакомая каждому из нас картинка общения автора и функционера-главреда, но и будет до сарказма изящно доработан образ руководителя “Гробгазеты”:

*Печатаем, как же!
За мелочью дело... —
И трубка в руке
у меня запотела.
Я слышу, как главный
закашлял неловко:
— Вы знаете, всё-таки...
эта концовка...
Прочтите-ка сами —
не слева направо,
а справа налево:
двусмысленно, право...*

*Мой голос дрожит
от обиды и гнева:
— Простите, зачем же
мне справа налево
читать эти строчки,
размысливши здраво,
когда полагается —
слева направо?
— Конечно, конечно, —
и главный согласен,
что смысл, если так,
безупречен и ясен.
— Но мы о читателе думать должны.
(Как будто читатель —
он прибыл с Луны!)
Мол, этот вопрос —*

*он возник мимоходом,
поскольку мы тут
совещались с народом...*

*Я диву даюсь:
ну, зачем он мне врёт?
Какой там сейчас
в кабинете народ!
И мне ли не знать,
что на самом-то деле
народ по ночам
пребывает в постели...*

А что касается “Тёркина на том свете”, в “Автобиографии” (1947–1965) Александр Трифонович написал: “...Поэма “Тёркин на том свете”... конечно, не является “продолжением” “Василия Тёркина” в смысле многочисленных читательских предположений на этот счёт, по поводу которых я давал свои объяснения в “Ответе читателям”, хотя и связана с “Книгой про бойца” непосредственно взятым из неё образом героя. Она возникла из иного, главным образом, сатирического задания (сказано по-фронтовому! – **В. К.**) и обращена к некоторым сторонам послевоенной действительности в том духе, как их оценивали XX и XXII съезды нашей партии”.

Наибольший интенсив работы над “Тёркиным-2”, над его новым вариантом у А. Твардовского приходится на 1961–1963 годы. Муки творчества, накал сомнений, разочарование, вдохновение, апатия и радость победы – обо всём этом и многом другом дают некоторое представление его записи в дневнике (цитируем по “Новомирскому дневнику” (Т. I. М., ПРОЗАИК, 2009. – **В. К.**):

6 марта 1961 г<ода>

... Не обременять вещь большими претензиями, пусть будет такая, как сложилась в своей наиболее естественной и свободной манере шутки, с некоторой, конечно, начинкой, но не навязывать ей непосильных задач. И пусть лежит до поры, но уже очищенная от шелухи первого варианта...

11 марта

... Всё же рад, что возобновил возню с вещью... высвободил из неё всё, что годится... и уже имею дело, в сущности, с новой конструкцией.

21 июня

... И переделка “Тёркина на том свете”, после которой вдруг появилось ощущение чего-то несостоявшегося, какой-то необратимости того, что было утрачено в 59 г<оду> (хотя тогда вещь тоже была не готова, сыра, теперь она стройнее и компактнее).

29 июня

Третьего дня передал Воронкову (К. С. Воронков – секретарь Союза писателей СССР по оргвопросам. – **В. К.**) “Тёркина” с “наложенными швами”. Работа эта, откладывавшаяся мною изо дня в день, из месяца в месяц свыше года, наконец, когда принялся за неё, принесла, как всякая работа, непринятая в представлении, но всё же одолённая практически, даже некоторое удовлетворение.

Как, в сущности, хорошо делать что-то своё, когда задача выясняется в ходе дела, и вдруг обретаешь хоть малую радость из тех радостей, вместе с трудностями, ради которых только и стоит...

12 декабря, 5 часов утра

... Оказывается, я уже давно лежал и спал-не-спал, но в лёгком полубреду обдумывал, как я буду доделывать “Тёркина на том свете”... втоптать сюда всё – и “культ”, и послекультовские времена, и литературные, и международные дела. И так мне было ясно, что это будет органично и что всё это, собственно, начиная с “Муравии”, у меня подготовлено, пододвинуто для решения этой увенчивающей все мои стихотворные вещи задачи, что я утром на-

чал это рассказывать Маше (жене. — **В. К.**), хвастаясь, что всё донине написанное мною — только “крыльцо” (по Гоголю) к тому, что должен именно теперь возвести “на базе “Тёркина на том свете”, и что мне ничего не страшно и не стыдно, и я знаю, что мне делать...

3 марта 1962 года

Вообще говоря, этот мой цыплёнок, проклюнувший скорлупу не вовремя, может быть, уже не будет выведен, хотя уже столько я с ним повозился. Пусть даже так. Всё равно: у этой вещи уже есть своя история — часть моей, как говорят, творческой биографии. Пусть даже не суждено ей выйти в свет нормальным образом или выйти и вдруг оказаться чем-то меньшим, чем уже сложившиеся представления о ней. Но я должен привести её в порядок для себя, для внутренних надобностей. Никаких усилий принорования, приспособления к понятиям Сатюковых (П. А. Сатюков — главный редактор “Правды” (1961–1964), член идеологической комиссии ЦК КПСС. — **В. К.**) и т. п.

20 апреля

С утра вдруг стало казаться, что “серёдка” не годится, выпадает из тёркинского стиля и т. п. и что вообще всё это дело обречённое. Заставил себя всё же прописать ещё раз эту “серёдку”.

13 мая

Вчера сдал на машинку тетрадочку с “Тёркиным на том свете” со вставкой (серединкой) и добавкой... С машинки будет новая полоса работы — сквозная отчистка и “введение воды” (кажется, если бы не записал в этой тетради, забыл было, что мотив воды нужен ещё и для того, что на том свете нет воды живой — только мёртвая).

20 июня

“Тёркиным на том свете” — уже заглавие позволяло отнести это к “пасквильанству” и т. п... И в первой моей беседе с Н. С. Хрущёвым — он: “Мне Каганович пишет записку: зачем он нашего боевого солдата отправил на тот свет?”

...И всё равно я буду “доводить до ума “Тёркина”.

20 сентября

С “Тёркиным” так: необходимо разложиться со всей рукописью в целом, — хватит заготовок, которые ненароком, в отрыве от целого, могут увести в сторону, вбок от конечной задачи. Вряд ли что было у меня так трудно округляющееся и с каждым новым приступом усложняющееся, уходящее от “берега”, хотя, если вспомнить “Дом у дороги” и те же “Дали” (в особенности), с которыми вообще Бог весть как удалось разделаться. Нет, здесь особый случай (а если бы не был особым, то стоило ли бы огород городить?..).

28 февраля 1963 г<ода>

Сдал на машинку черновую, но уже полную перебелку “Тёркина на том свете”. Записями не отвлекался.

22 марта

Итак:

1. В 1954 г<оду> я был снят с “НМ” за “линию” и “Тёркина на том свете”. Выбыл из ЦРК и депутатов РСФСР.

2. За эти годы, до нынешнего, 63 г<ода> я закончил “Дали”, был возвращён на должность главного редактора “НМ”, был делегатом двух последних съездов партии, избран кандидатом в члены ЦК, вторично — в Верховный Совет РСФСР, отмечен различными знаками, выпустил Собр. сочинений и т. д. и т. п.

3. Ныне, в 1963 г<оду>, в марте я закончил, вновь написал на 3/4, по крайней мере, “Тёркина на том свете”, опубликовал в конце прошлого года “Ивана Денисовича” (с чего всё и пошло), и опять “линия” и немыслимость опубликования “Тёркина”.

4. Ещё никогда, пожалуй, не было так трудно, однако и ясно на душе: дело плохо, но что же делать.

8 июля

... Вряд ли когда стоял так вопрос в смысле всей дальнейшей литературной судьбы. — Стоял! И не один раз: “Муравия”, “Тёркин”, “Дом у дороги”, “Дали” — всякий раз было так: или-или.

Счастье читателей, что А. Твардовский был не только великим поэтом и мудрым редактором, но и имел бойцовский характер (совсем не случайно, думаю, своей самой популярной вещи он предпослал подзаголовок “Книга про бойца”, чем подчеркнул не только особую жанровую природу произведения, но ещё и суть души русского солдата: боец!). Александр Трифонович добился-таки, чтобы “Тёркин на том свете” был прочитан Н. С. Хрущёву, прочитан самим А. Твардовским, да ещё и в присутствии группы европейских писателей на его даче в Пицунде! Вот как описывает это сам поэт, сделал дневниковую запись 18 июля 1963 года:

“... Вскоре Н. С. объявил меня: “Поэксплуатируем”.

Чтение было хорошее, Н. С. почти всё время улыбался, иногда даже смеялся тихо, по-стариковски (этот смех у него я знаю — очень приятный, простодушный и даже чем-то трогательный). В середине чтения примерно я попросил разрешения сделать две затяжки. “Конечно, конечно”, — хотя никто, кажется, кроме Шолохова и меня, сидевшего с ним (до чтения) на самом конце стола, не курил. Дочитывал в поту от волнения и от взятого темпа, несколько напряжённого... Кончил, раздались аплодисменты. Н. С. встал, протянул мне руку: “Поздравляю. Спасибо”... И, собственно, дело совершилось: Ад-жубей (редактор “Известий”, в которых будет напечатан “Тёркин-2”. — В. К.) бросился с конкретными предложениями, посулами соблюдения всех необходимых условий и т. п.”

Да, дело совершилось, но радость автора и глубокая удовлетворённость, что поэма обрела широкого читателя (у газеты-то был пятимиллионный тираж!), оказалась непродолжительной. Уже 6 ноября Александр Трифонович записал в дневнике: “С момента опубликования поэмы в “Известиях” начинается новый период, длящийся и поныне, — период неполного торжества, как будто она опубликована только по недоразумению или недосмотру, или же так, в виде опыта, и ей ещё нужно “легализоваться”. Похоже, что если и не позволено обрушиваться критике на поэму, то только из соображений (неписанных!) приглушения её. Это “сверху”, и это очевидно и недвусмысленно. Молчание газет, торможение с изданием (с 21 октября книжка лежит в той самой Цензуре, которой посвящены в ней известные строки)”.

Период, длящийся и поныне... Да, провидение А. Твардовского оказалось почти пророческим: выходу в свет “Тёркина-2” отдельной книгой и включению его в собрание сочинений мешали, и мешали очень долго, хотя, по А. Твардовскому: “Совершенно ясно, что эта вещь — прямое продолжение и того “Тёркина”, и “Далей”, работа над которыми отодвинула этого “Тёркина”, хотя, в сущности, смыкалась где-то с ней (“фронт и тыл”)

 (запись в дневнике 19 июля 1963 года). Поэтому понятню, как хотелось Александру Трифоновичу, помимо отдельного издания “Тёркина на том свете”, иметь издание, говоря словами автора, “Тёркиных” “под одной крышкой”. На переплёте “Василий Тёркин”, на титуле — оба”.

Издать такую книгу А. Твардовскому так и не дали, утверждают в “Комментариях” к первому тому “Новомирского дневника” Валентина и Ольга Твардовские. После 1963 года поэма перепечатывалась только в пятитомном собрании сочинений (М., 1967) и — посмертно — в шеститомном (М., 1978). А. Твардовскому не удалось включить её ни в одно из изданий своих избранных произведений. Редколлегия “Библиотеки поэта” (Н. Грибачёв, Н. Тихонов, А. Сурков, Р. Гамзатов и др.) отказывалась печатать “Тёркина на том свете” в том, подготовленном к 70-летию поэта М. И. Твардовской, хотя она и представляла доказательства того, что Александр Трифонович видел эту поэму среди наиболее значительных своих работ. Не возымело действия и отдельное письмо главного редактора “Библиотеки поэта” Н. Тихонова, доказывавшего целесообразность издания “Тёркина на том свете” по тактическим соображениям (Тихонов Н. Из могилы стола. М. 2005. С. 440–442). Замысел Александра Трифоновича впервые был осуществлён только в 2000 году издательством “Раритет”, подготовившим благотворительное издание для ветеранов к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне.

* * *

А редакторский опыт, стиль и методика, редакторское наследие Александра Твардовского требуют особого серьёзного изучения. Да, Александр Трифонович не успел написать книгу “16 лет в “Новом мире”, которую задумывал, однако его заметки, статьи и – главное – адресные письма-ответы, где содержится конкретный разбор механизма работы со словом, должны быть собраны в единый регистр, которым мог бы воспользоваться каждый творчески пишущий, каждый, кто собирается осваивать не только литературное, но и медийное пространство. Таким хранилищем мастеровитости А. Т. Твардовского должно стать *полное собрание сочинений*, которого до сих пор нет, а ведь грядёт 105-летие великого поэта и редактора (июнь 2015 года!), и лучшего подарка любителям русской словесности, чем издание ПСС – поэтических, теоретических и эпистолярных (дневников, рабочих тетрадей, писем) – Александра Трифоновича просто не может быть! Ту подвижническую работу по сбору и публикации материалов литературно-редакторского наследия А. Твардовского, которую вела Мария Илларионовна, вдова А. Твардовского, и теперь продолжают его дочери, Валентина и Ольга Александровны, необходимо завершить сейчас, в эти годы начала столетия, чтобы читатели, писатели, журналисты, филологи, учителя и школьники компьютерного XXI века получили в своё распоряжение полный кладёзь высокого искусства владения живым русским словом Александра Твардовского.